

Глава 3.1.

- Нет, серьёзно — взял и признался, что ты омега, без всякой романтики, без напряжения, без драмы?

- А что не так? Мы после этого только крепче сблизились. Ты вообще знаешь, какое это счастье — встретить человека, с которым можно делить свои трудности? А? Нет, не знаешь, бетское ты отродье.

Кон Пёнхва невольно расчувствовался.

На самом деле он сделал этот день ежегодным праздником и до сих пор мысленно переживал те эмоции, так что слова про «никакой романтики» его по-настоящему взбесили.

- Это день, с которого началась наша история. Памятный день.

- Да хорош. Сколько раз уже ваша история начиналась?

Чон Сону, которому про «начало истории» довелось выслушать уже много раз, тут же встрял.

Кон Пёнхва даже ухом не повёл. Да и не только он — остальные одноклассники тоже. Те, кто понятия не имел о страданиях Чон Сону, снова принялись копать в романе Пёнхвы и Сэбёка.

- И что, как только ты узнал, что он омега, вы сразу начали встречаться? Потому что узнали о трудностях друг друга?

- Да ё-моё. Эй. Не лезь с такими вопросами. — Почувяв, что сейчас начнётся адская говорильня, Чон Сону поспешил остановить одноклассника, но слова уже вылетели.

- А, ты про то, как мы начали встречаться, да?

Глядя на то, как одноклассники по собственной воле шагают напрямиком в пекло этого разговора, Чон Сону решил... да просто... хоть отыгаться на еде. Заказал ещё мяса и молча запивал всё алкоголем.

- Когда мы узнали друг о друге, мы, конечно, стали ближе, но сразу встречаться не начали. Не все же геи друг с другом сразу сходятся?

- А как тогда? Как вы всё-таки начали встречаться?

- Это было.. кажется, на спортивном фестивале. Точно. В тот день, когда у нас был футбольный

финал с 4-м классом.

Кон Пёнхва воскресил в памяти события одиннадцатилетней давности.

- У Сэбёка тогда внезапно началась течка. Не по циклу.

—

Узнав, что Шин Сэбёк — омега, да ещё и постоянно злоупотребляет ингибиторами, Кон Пёнхва стал волноваться о нём ещё сильнее, чем раньше.

Даже когда он считал Сэбёка бетой, тот выглядел как классический ботаник, и Кон Пёнхва всерьёз беспокоился о его здоровье, но теперь, когда выяснилось, что Сэбёк каждый день глотает по несколько видов таблеток — сплошная отравка для организма, — тревога стала настоящей.

Сам он уже плевался от одной мысли о том, что нужно раз в день принимать ингибиторы за неделю до гона. А Шин Сэбёк, который был на голову ниже его, глотал их трижды в день.

«Вот почему с тех пор как в старшую школу пошёл, он на уроках спит. Это всё побочки».

Но при этом не упустить первое место по успеваемости во всей школе — это уже настоящая хватка альфы.

Кон Пёнхва даже засмутился. Конечно, он тогда говорил не со зла, но ныть Сэбёку, что быть альфой — несчастье, было самым настоящим лицемерием.

«Но это одно, а вот то, что его чертовски жалко, — совсем другое».

После того как Шин Сэбёк признался, что он омега, он рассказал чуть больше. Что после его проявления обстановка в семье испортилась и ему пришлось ещё отчаяннее доказывать свою ценность.

Поэтому он снова извинился за ту выходку с просьбой поддаться на экзамене. Кон Пёнхва чувствовал себя настолько неловко, принимая извинения, что всё время нервно потел.

«Да что ж это такое. Ребёнка надо любить таким, какой он есть. Чего коситься-то на омегу?»

Как будто самому Сэбёку мало того, что и так тяжело. Вот же консервативные взрослые, честное слово!

Кон Пёнхва было искренне жаль Сэбёка.

Не то чтобы Сэбёк сам выбрал проявиться омегой, а с ним обращаются как с преступником. Даже одно лишь регулярное глотание лекарств — это уже тяжёлый и разрушительный для тела труд. А ведь ему вдобавок приходится скрывать, что он омега.

Кон Пёнхва даже представить не мог, насколько это тяжело.

«Вот же жесть».

И ему было просто жаль Сэбёка. Поначалу-то он считал, что тот наглый, бесит, и желал, чтобы он споткнулся на ровном месте и сломал себе что-нибудь, а при виде хотя бы его тени втайне мечтал её растоптать. Но теперь — только жалость.

Шин Сэбёк был гораздо добрее и мягче, чем казался. Может, потому что парень только и делал, что учился, он радовался любой мелочи. Одним словом, с ним было занятно возиться.

К тому же глаза у него были карие, а черты лица тонкие и миловидные, но при этом внутри скрывался настоящий мужик, и это было... круто.

«Надо быть с ним помягче».

Сами собой проснулись обычная человеческая жалость и симпатия.

Кон Пёнхва решил, что вряд ли сможет сделать для него что-то большее, и взял себе за правило хотя бы приносить ему вкусную еду. И вот, в решающий день спортивного фестиваля и зародилась его будущая одержимость температурой блюд.

Осенью стояла непривычно жаркая погода. Оправдывая прогнозы метеорологов, обещавших изнуряющее тепло, одно за другим приходили оповещения об аномальной жаре. Посреди удушающего зноя Кон Пёнхва подумал:

«Сегодня угощу его бинсу».

На самом деле он и сам хотел его поесть. Ещё с утра приготовив на крыше ящик с обычным и сухим льдом, Кон Пёнхва слегка улыбнулся, представляя счастливого Шин Сэбёка.

Молясь, чтобы бинсу не растаял до обеда, он надел классную футболку (похожую на робу заключённых) и спустился на спортивную площадку. Пережив скучную речь директора, все

приступили к настоящему фестивалю.

Командные прыжки через скакалку, перетягивание каната и отборочный забег эстафеты остались позади, и наступило обеденное время. В прыжках и канате их класс не показал блестящих результатов, но за счёт оценок за порядок и поддержку общий балл оказался неплохим.

- Всё равно главное — эстафета и футбол, так что нормально. Основной состав, соберитесь. И так, запоминаем схему в защите!

Их классный руководитель, обычно далёкий от всякого энтузиазма, вдруг проявил харизму, достойную тренера национальной сборной, и одним махом начертил схему на доске.

- Только попробуйте проиграть четвёртому классу.

Одиннадцать основных игроков, включая Кон Пёнхва, слушали вполуха и жевали обед. Кон Пёнхва нервно тряс ногой, поедая куриные лапки, и переживал, не растаял ли бинсу. А за десять минут до долгожданного матча лучший нападающий первого класса Кон Пёнхва исчез.

- Куда этот гад Кон Пёнхва подевался?!

- Я видел, как он утаскивал куда-то Шин Сэбёка.

- Эй, эй, ты как, нормально? Нормально?

Кон Пёнхва взбежал на крышу, неся Сэбёка на спине. Сэбёк, вцепившись в его плечи, часто и тяжело дышал. Его щека, прижатая к затылку Пёнхвы, пылала — видимо, от лихорадочного жара. Даже выдыхаемый воздух был горячим.

- Ты... ты лекарство-то принял? Принял? Лекарство? Лекарство?

- При.. принял...

- А-а-а. Ну да, принял. Принял, да. Конечно. Ты же просто горстями жрёшь таблетки. Ага.

Кон Пёнхва безостановочно болтал. Ему казалось, что если он сейчас замолчит, случится непоправимое.

Всё из-за того, что те сволочи из четвёртого класса, оправдываясь «тактикой», распылили свои

феромоны.

«Эти-то думали, что среди нас омег нет, вот и выпускали всё подряд, а я-то знал, что Шин Сэбёк — омега!»

Он, вспыхнув от злости, придавил их ответной волной, и именно в этот момент Сэбёк проходил мимо. Пусть он и принимал ингибиторы, но, попав под перекрёстный огонь феромонов от нескольких альф, у него, судя по всему, внезапно началась течка.

Сам цикл у Сэбёка — это полбеда, но и Кон Пёнхва, у которого не было иммунитета к феромонам омег, чувствовал себя ужасно. Просто хотелось разреветься.

Пальцы на ногах чесались, от икр до бёдер растекалось неприятное покалывание. Головой он понимал, что должен как-то помочь Сэбёку, но тело слушалось с трудом. Нужно было взять феромоны под контроль, но из-за тревоги они никак не хотели успокаиваться.

- Хнык... Прости...

Слёзы навернулись на глаза, и он без конца извинялся. Хотя за его плечами было сорок часов обязательного полового воспитания, в реальности он ничего не знал. Что делать, если ты столкнулся с омегой, у которой внезапно началась течка из-за чужих феромонов, — этому на уроках не учили.

Добравшись до крыши, Кон Пёнхва, шмыгая носом, уже потянулся за телефоном, чтобы вызвать скорую. Но Сэбёк дрожащей рукой схватил его за запястье.

- Не... Нельзя! — Отчаянно выкрикнул Сэбёк.

— Ни в коем случае, — повторял он, судорожно сжимая запястье Пёнхвы.

- Н-но тебе же.. тебе же плохо..

Кон Пёнхва весь дрожал, торопливо вытирая набегавшие слёзы.

- Ничего. Это ерунда. Я в порядке. Я в порядке.

Сэбёк, словно вводя себя в транс, монотонно твердил, что всё хорошо, и от него веяло отчаянной яростью загнанного в угол человека. Кон Пёнхва, решив, что должен хотя бы сам держать себя в руках, задержал дыхание. Он вдохнул так глубоко, что надулась грудь, и медленно выдохнул. Сердце всё ещё колотилось, но в голове немного прояснилось.

Кон Пёнхва медленно, очень медленно и осторожно начал выпускать свои феромоны, собирая их в единое спокойное поле.

- Уч-учитель говорил, что феромонный душ может помочь. Я... я сейчас выпущу феромоны, можно? Ты как, нормально?

Сэбёк не ответил, но Кон Пёнхва почувствовал, что ему стало чуть легче, чем пару минут назад. Тогда он продолжил понемногу распределять феромоны.

«Хорошие мысли. Хорошие мысли. Красивые мысли. Я взрослый человек. Я справлюсь. Я справлюсь. Милые вещи, вкусная еда, жидкий монстр, слайм, щеночки, котики, цыплятки, ополовники, мои будущие акции...»

Благодаря экстремальному ментальному контролю Кон Пёнхва упорядочил свои феромоны, и Шин Сэбёк, принимавший этот душ, задышал ровнее.

-..Нормально?

-..Ага.

Совершенно обессиленный Кон Пёнхва рухнул на пол и утонул в самобичевании.

- Я.. Я чертовски виноват.... Серьёзно. Что я за беспредельщик такой..

- Нет. Нет. Ты же не специально. Это я виноват, что я омега...

- Да какого ты такое говоришь. Чем это омега провинился-то. Ко всем чертям, это те сволочи из четвёртого класса виноваты. Ты просто шёл себе спокойно, а по тебе четыре электросамоката разом проехались.

И один из них — я. Кхып. От стыда и позора у Кон Пёнхва опять защипало в глазах, и он спрятал лицо в ладонях, стараясь не заплакать. Сэбёк похлопал сжавшегося в комок Пёнхву по плечу и, наоборот, стал его успокаивать.

- Тот, кого сбили, говорит, что всё нормально, а ты чего скукожился.

- Тебе-то, может, и нормально, а мне — нет.

Для Кон Пёнхва, чьими единственными злодеяниями за всю жизнь были разорение муравейников в детстве и телефонные розыгрыши классного руководителя, стало подлинным ужасом осознание, что под властью феромонов он может натворить настоящих бед.

Сэбёк, хоть и не понимал такого душевного состояния до конца, всё равно проникся. Оставаясь потерпевшим, он был настроен куда более трезво и решил подбодрить друга.

- У тебя феромоны реально классные.

- ...

- И д-душ этот феромонный ты.. отлично сделал.

-

- От тебя словно фитонцидами пахло. И отрицательными ионами.

- Да?.. Правда?..

В голосе убитого горем Кон Пёнхва мелькнула живая нотка.

«Ну что за ребёнок».

Впрочем, его простота сейчас была только на руку.

- Ага! Стопроцентно! Ну, это.. ээ.. Голова прояснилась, бодрость такая, уверенность появилась, и вообще...

Гениальный врун Шин Сэбёк складно ткал одну ложь за другой.

- Настолько мощно? Я, может, реально крут..

- Т-точно.. тебе... го-говарю. Ты меня хоть раз на лжи ловил?

- Не ловил. — Кон Пёнхва искренне восхитился. - У меня правда настолько крутые феромоны? Блин. Может, на врача пойти.

- Даже если твоя семья разорится, ты на одной феромонной терапии озолотишься.

- Чего?! Мы никогда не разоримся.

Задетая другая струна мгновенно привела Кон Пёнхва в чувство, и он принялся расписывать неизбежное финансовое положение семьи.

- Н-ну да.

Сэбёк, которому вечно было нужно быть первым, решил в этот раз уступить и ответил слегка раздражённо, но миролюбиво.

Вернув душевное равновесие, Кон Пёнхва деловито отряхнулся, встал и вытащил заранее заготовленный термоконтейнер. Открыв крышку, он явил клубы загадочного пара, из которых, казалось, сейчас выйдет горный дух. Это испарялся сухой лёд.

- Нюх-нюх. Ты бинсу-то, наверное, и не пробовал ни разу.

Хотя бинсу слегка подтаяло, вид у арбузной и дынной порций был по-прежнему роскошный. Кон Пёнхва всунул ложку в руку Сэбёку.

- Ты говорил, что арбуз и дыню ешь. Их всего пятьдесят штук в день делают, а сладость — бешеная.

Собираясь уже прочитать лекцию об истории этого бинсу, Кон Пёнхва подпрыгнул от внезапно зазвонившего телефона — на экране высветилось имя классного руководителя.

- Да не было такого! Я уже бегу, готовьте «Золотой Мяч». Пф, честное слово.

Пёнхва фыркнул, сунул телефон в карман и загорелся боевым духом.

- Я убежал! Это всё ещё сам! Только никому не отдавай!

Пылая праведным гневом, он стремительно покинул крышу. Спустя полторы минуты тот, кто только что был наверху, уже летел по спортивной площадке.

Сэбёк остался на крыше, глядя сверху на футбол и поглощая бинсу. Сладкий фруктовый сок и колотый лёд мягко таяли на языке. Как и хвастался Пёнхва, свежая, сахарная мякоть была выше всяких похвал.

Посреди этой духоты бинсу умудрился не растечься окончательно — поразительно. Видимо, тащить его сюда было той ещё морокой, и Сэбёку стало немного стыдно, что он один, словно в раю, наслаждается прохладой. Он усердно, в полном одиночестве доел бинсу.

Сам, как-то, но доел. Осилит две порции до последней капли и спустился обратно на площадку. И пожаловался на чудовищную головную боль.

Это был тот самый эффект «заморозки мозга» от непрерывного поедания ледяного десерта.

Сэбёк раздражённо надавил пальцами на виски.

- Сэбёк, тебе плохо? Где болит?

- А.. Да так. Голова просто...

Признаться обливавшемуся потом другу, что у тебя раскалывается голова из-за бинсу, было решительно невозможно. Стоило Сэбёку выдавить неловкую улыбку, как слухи закрутились с невероятной скоростью.

[Сэбёка повели в медпункт. Скажи классному.]

[Почему медпункт?]

[Говорит, голова болит.]

[С чего у него болит-то? Это после того, как его Кон Пёнхва утащил? Может, избил?]

[Жесть. Кон Пёнхва так избил Шин Сэбёка, что у того сотрясение?]

[Кон Пёнхва отомстил?!]

Так они плавно стали заклятыми соперниками.

- Погоди, так месть, что ли, не удалась?

- Какая ещё месть?

Кон Пёнхва, до сих пор не подозревавший об этой сплетне, недоумённо наклонил голову.

-...Ладно, неважно. Короче, ты спрашиваешь, как мы так умудрились влюбиться? Самый сок только начинается. То, что было раньше, — так, предисловие. Сосредоточься давай и не перебивай.

- П-прости.

После спортивного фестиваля Кон Пёнхва слегка подзабил на учёбу и зачастил к своему лечащему врачу.

- Омега, попавший под перекрёстный феромонный огонь от нескольких альф, не может быть защищён одними ингибиторами?

- Ингибиторы в целом справляются. На то они и ингибиторы.

Но Шин Сэбёк выглядел так, словно у него была серьёзная проблема.

Кон Пёнхва подозрительно прищурился. Врач, кажется, устало вздохнул и продолжил:

- Всё зависит от того, с каким намерением альфы испускали феромоны, а также от физического состояния самого омеги.

Физическое состояние... С Шин Сэбёком, наверное, как раз из-за его состояния всё так обернулось.

- А если это состояние, ну, такое: дикая куча ингибиторов, ещё больше поддерживающих таблеток, и омега, который только недавно проявился?

- В таком случае организм испытывает дополнительную нагрузку. По правде говоря, ингибиторы созданы искусственно, история их применения не так уж длинна, да и товары для омега до сих пор... гм.. используют не самые качественные компоненты.

Вот почему парень такой дохлый — потому что каждый день пичкает себя этой гадостью. Кон Пёнхва цокнул языком.

- В конце концов, для альф и омег идеального ингибитора, кроме как запечатления, не существует.

То есть тем, кто навсегда одинок, так и глотать таблетки до самой смерти, что ли?

Кон Пёнхва, экстремальный романтик и блюститель чистоты до запечатления, уже почти решил записаться в активисты движения за права альф и омег, когда врач добавил:

- Впрочем, исследования феромонов действительно необходимы. Даже если не добиться совершенства, можно, вероятно, найти способ устранить большинство побочных эффектов...

- Феромонов?

- Ведь при запечатлении основную роль играет психологическая стабилизация через обмен феромонами. Так что, возможно, используя феромоны, можно создать эффект, схожий с запечатлением, и тому подобное..

Ого? Это было уже интересно. Без ингибиторов, без побочных эффектов, и избегать течек, не прибегая к запечатлению? Ответ таится в феромонах?

Кон Пёнхва заикнулся на этой идее и погрузился в безумные исследования. Он читал научные работы, рыскал по альфа-сообществам, накапливая и накапливая знания об альфах, омегах и феромонах.

- В моих феромонах, возможно, содержатся фитонциды.

- ...Да?.. Серьёзно?

- Я же говорю.

—

И вот, став самопровозглашённым экспертом по феромонам, Кон Пёнхва обратился к Сэбёку:

- Эй. Ты всё ещё пьёшь таблетки?

- Ну, конеч... но?

Пока Сэбёк отвечал на очевидный вопрос, он вдруг заметил, что глаза Кон Пёнхва, в отличие от обычного, слегка поплыли.

- А побочки?

- Сильно клонит в сон, головные боли, иногда живот болит. Сердце бывает слишком быстро бьётся, и сил совсем нет.

- Жёстче, чем я думал.

Для Сэбёка плохое самочувствие было уже почти нормой, и он не считал это чем-то серьёзным, но стоило перечислить всё вслух — и вырисовывался целый букет.

- Слушай. Говорят, если правильно делать феромонный душ, то ингибиторы могут и не понадобиться.

- Правда?

С чего это он вдруг? Ведь феромонный душ обычно происходит у запечатлённых пар. Когда запечатлён, то и чужие феромоны почти не ощущаешь, и внезапная течка от внешнего воздействия не грозит, а если и придёт течка, то с партнёром... ну, в общем, ингибиторы уже не нужны. Там уже вопрос не в ингибиторах, а в контрацепции.

- Есть мнение, что если грамотно применять феромоны, можно обмануть организм и заставить его думать, что произошло запечатление. То есть жить без ингибиторов и без реального запечатления.

- Ого...

Но какое это вообще имеет значение? Сэбёк вяло отреагировал, жуя желе, которое дал ему Кон Пёнхва.

- Хочешь, я тебе устрою феромонный душ? Ты же сам говорил, что чувствуешь от моих феромонов фитонциды!

Ну, это... Сэбёк было задумался, не признаться ли сейчас, что соврал, но Кон Пёнхва опередил:

- Ты ведь не врал мне тогда?

-..К-конечно, нет. Я... я врать-то не умею.

- Как и ожидалось от человека чести.

Отпетый врун, который вечно палился на своей лжи, Шин Сэбёк, лишь криво улыбнулся. Один — из чистого любопытства, другой — чтобы доказать, что он не врун, — оба понемногу начали выпускать феромоны.

«Что это за ощущение?»

Словно паришь в воде под солнечными лучами, но при этом всё тело охватывает странное, щекотливое чувство, и кончики пальцев на ногах покалывает.

Будто лёгкие электрические разряды пробегают по мозгу — колко и дурманяще.

На продуваемой ветром крыше, в самой близкой к небу точке школы, Сэбёк вдруг встретился с морем. Освежающий ветер, пропитанный ароматной влагой, словно окутал его. И этот ветер, казалось, постепенно обретал тепло и форму, мягко поглаживая его.

Чувство было.. каким-то.. сму... щающим.

Теперь он понимал, почему феромонный душ устраивают только запечатлённые пары или влюблённые. Даже если до этого не было никаких чувств, они вполне могли зародиться.

Кон Пёнхва, похоже, испытывал нечто похожее: опустив голову, он безостановочно струил феромоны. Лица не было видно, но шея покраснела так, словно его бросило в жар. Никто не подавал знака, но оба одновременно вернули свои феромоны и глубоко вдохнули.

Тишина.

Как бы это описать...

«Ощущение, будто во время „этого“ заходит мама».

«Ощущение, будто ты тайком балуешься, а отец всё это время стоял и смотрел».

Было ужасно неловко.

- Эй.

- А? А?

- Не знаю, как ты, но это немного... Ну. Ощущения немного..

- Ага. Ага. Немного. Точно.

Кон Пёнхва был уверен в себе. Всего пару дней назад он точно так же устроил Шин Сэбёку феромонный душ. Но тогда всё было иначе. Тогда это напоминало искусственное дыхание — он просто пытался спасти человека.

А сейчас каждое ощущение было осознанным и ярким до предела.

Шин Сэбёк чувствовал то же самое. Он-то думал, ну, максимум учует лёгкий запах, а в итоге по всему телу, до мурашек по поясице, разлилось странно томительное чувство. Сердце, которое обычно колотилось тревожно и неровно, теперь билось как-то иначе.

Как-то... мило. С лёгким трепетом.

Наверное, это временное влияние феромонов, но головная боль, которая до этого сверлила

виски, исчезла, и тяжёлое тело стало невесомым. Он так давно не ощущал себя настолько хорошо, что почти поверил в чудо.

-..Ну как, работает?

-...Ага! Очень хорошо! Я сейчас.. Такое чувство, что могу взлететь.

Невероятная свежесть. Так хорошо ему не было никогда.

- Это... по-моему, довольно неплохо...

- Немного... Ну... Очень. Немного это не то слово.

- Ага. Немного.

Неловкость была такой, что любой сторонний наблюдатель сгорел бы со стыда. Они избегали смотреть друг на друга, скрещивали ноги, смущённо отворачивались. Вдруг стало слышно дыхание друг друга, почудился приятный запах, кожа начала казаться красивее, ресницы — длиннее...

В общем, обменявшись неловкими покашливаниями, они разошлись по домам.

Сэбёк, раз уж ему так повезло с самочувствием, решил выжать из этого максимум и бешено засел за учёбу. Смотрел онлайн-лекции, переделывал тетрадь с ошибками, готовился к контрольным.

Завтра он опять будет напичкан лекарствами, но сегодня — только сегодня — принадлежало ему.

Его рука двигалась с такой скоростью, словно к ней приделали мотор. В тот день учёба шла на удивление гладко. Достаточно было мельком пробежать глазами, и материал сам оседал в голове.

- Хаа...

Кон Пёнхва страдал.

Он лежал и не мог уснуть. Точнее, тело ныло от усталости, но сознание отказывалось проваливаться в сон. Сцена обмена феромонами на крыше прокручивалась перед глазами вперёд, назад и снова в замедленном повторе.

В итоге в четыре утра Кон Пёнхва поплёлся на кухню, залез в холодильник и уткнулся носом в яблочное манго и клубнику, которые якобы даже зимой сохраняют бешеную сладость. Он шумно принюхивался.

«Кажется, отдалённо напоминает феромоны Шин Сэбёка?»

Кон Пёнхва ощутил лёгкий приступ самокопания, нет, скорее чувство какой-то жалкости, но ничего не мог поделать: феромоны Шин Сэбёка не выходили у него из головы.

«Мне же надо как-то спать».

С охапкой манго и клубники он на цыпочках прокрался обратно в свою комнату. Его скромная мечта — уснуть под аромат природных освежителей — разбилась вдребезги, когда он нос к носу столкнулся с вышедшей на утреннюю пробежку матерью.

- А-а-а-а!

- В-вор!

От испуга Кон Пёнхва выронил фрукты, и манго с клубникой с глухим стуком раскатились по полу.

- Фруктовый вор!

- Да нет же! Это я, твой сын!

Когда он кое-как объяснился, мать, чья жизнь, казалось, сократилась лет на десять, схватилась за сердце и тут же занесла руку.

- Так фруктовый вор — мой собственный сын! Я же говорила, не наедайся тяжёлым перед сном!

Шлёп, шлёп — с раннего утра по спине Кон Пёнхва заходили волны.

- А-а-а! Больно! Больно! Больно-о-о!

Вообще-то он собирался не есть их, а использовать как замену феромонам Шин Сэбёка, но

признаться в этом было никак нельзя. Пришлось списать всё на внезапный приступ обжорства.

- А что прикажешь делать, если я от голода уснуть не могу!

Увы, после такой спартанской взбучки даже тот жалкий остаток сна, что ещё теплился, упорхнул прочь, и Кон Пёнхва пришлось коротать ночь без сна до самого утра.

На следующий день Шин Сэбёк, встреченный в классе, сиял так, будто натёр лицо маслом, а Кон Пёнхва был осунувшийся, с чёрными кругами под глазами — в общем, краше в гроб кладут.

В классе тут же поползла нелепая байка, что чёрный маг Шин Сэбёк наслал на Кон Пёнхва проклятие и высосал его жизненную силу. Даже глядя на затылок Шин Сэбёка, Кон Пёнхва испытывал странные чувства — сразу вспоминались вчерашние феромоны.

Он хотел было спросить, подействовал ли душ и нет ли у Сэбёка такой же «ломки», но, поскольку в спешке забыл мобильник дома, ему оставалось только сверлить затылок Сэбёка вплоть до обеда. Стоило прозвенеть звонку на большой перемене, как Кон Пёнхва подскочил с места и приготовился нестись на крышу.

- Эй. Ты что, есть не будешь?

- Аппетита нет.

- Спагетти же.

- Спагетти?

О. У него сразу же рот наполнился слюной.

- Тогда я быстро в туалет и вернусь поесть. И мне порцию захвати.

- Не опаздывай.

- Почему?

- Если тебя нет, порцию не удваивают.

- Ты, ей-богу, гений.

Оставив гения Чон Сону позади, Кон Пёнхва поднялся на крышу и нервно затряс ногой.

— Это у меня ломка по феромонам Шин Сэбёка, что ли?

Ему безумно хотелось набить рот сладко-кислой клубникой.

- Я?.. Что?

- А, напугал. Не ходил бы так тихо.

- Я.. я так всегда хожу...

Кон Пёнхва, чьи мысли были заняты исключительно клубникой, для порядка поворчал на Сэбёка.

Вообще-то он собирался сказать, что, мол, идея с феромонным душем, конечно, была его, но, по зрелом размышлении, это какая-то опасная затея, и такими вещами, наверное, должны заниматься только влюблённые альфа и омега, — и предложить прекратить эксперимент.

- Я сегодня не пил таблетки, но чужих феромонов вообще не чувствую, и свои, кажется, тоже никак не ощущаю, и мне так офигенно! Голова ясная, я словно летаю!

-...Да? Ну ладно. Тогда начинаем.

Да твою ж...

- И вот, когда ваши организмы привыкли к феромонному душу, в один прекрасный день случился сбой, разразилась течка, вам волей-неволей пришлось провести ночь вместе, а там уж телесная близость незаметно переросла в любовь — и вы начали встречаться!

- Что за бред ты несёшь, извращуга. — Кон Пёнхва аж скривился. - Мы просто постепенно сблизились и начали встречаться. Постепенно. Где-то полгода у нас тянулась эта «недостадия», пока мы и так уже не стали почти парой. Ну... У всех же так?

Никакого драматического случая или особого повода не было, но, эй, разве у других не так же? На вопрос Кон Пёнхва все дружно закивали.

Обычно люди сходятся на подходящей симпатии, времени, проведённом вместе, и под настроение — истории с грандиозными сюжетами и эпизодами встречаются куда реже.

- Обязательно нужно, чтобы что-то случилось, чтобы начать встречаться? А просто нормально встретиться, нормально пожениться и быть чересчур счастливыми — уже нельзя?

- Ах... — Ярый фанат дорам издал разочарованный вздох. - Но вы же альфа и омега, я думал, у вас точно что-то было. А оно вон как... Всё как у бет.

- Совершенно обыкновенно. Мы и на свидания ходили как все приличные школьники — например, в библиотеку.

<http://bllate.org/book/17004/1618500>